

КОРОЛИ НОЧИ

Том Пиккитини
**АКАДЕМИЯ
МРАКА**

Мистические рисунки Виталия Котла

Ростов-на-Дону

 ЕНИКС

2024

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)-4

КТК 611

ПЗ2

Tom Piccirilli
The Night Class

Перевод Григория Шокина

Иллюстрации Виталия Ильина

Пиккирилли, Том.

ПЗ2 Академия мрака / Том Пиккирилли ; пер. с англ. Григория Шокина. — Ростов н/Д : Феникс, 2024. — 163, [2] с. : ил. — (Короли ночи).

ISBN 978-5-222-38468-8

Ледящий кровь мистический триллер в лучших традициях Стивена Кинга и Клайва Баркера, удостоенный престижной премии Брэма Стокера! Начало нового семестра выдалось для Калеба не слишком удачным. Трудности в учебе, депрессия, беспробудное пьянство... И в довершение всего жестокая смерть неизвестной студентки в его комнате. Одержимый непреодолимым желанием раскрыть это преступление, Калеб начинает собственное расследование, которое заведет его куда дальше, чем могло привидеться в самых страшных ночных кошмарах. Ведь в причудливых залах древнего университета проснулось настоящее Зло. И кровотокающие стигматы на руках Калеба неумолимо возвещают о его приближении. Книги американского «мастера ужасов» Тома Пиккирилли, четырехкратного лауреата премии Брэма Стокера, — настоящее открытие для русского читателя.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)-4

ISBN 978-5-222-38468-8

© Оформление: ООО «Феникс», 2023

© Иллюстрации: Виталий Ильин, 2023

© Перевод: Григорий Шокин, 2023

© Copyright © Michelle Scalise-Piccirilli

© В оформлении обложки

использованы иллюстрации

по лицензии Shutterstock.com

Часть первая
ОДНОДНЕВКИ

*Посвящается Мишель, девушке в первом ряду.
И Винсу Харперу, сокурснику.*

...Однодневки,
Что — мы? Что — не мы? Сон тени —
Человек¹.

Пиндар. Пифийские оды²

1

Урока этики было достаточно, чтобы пробудить в Калебе желание убивать.

За трибуной из красного дерева вещал профессор Йоквер, расхаживая по кабинету, как сумасшедший священник, проповедующий о страшном суде и адском пламени, в ожидании, когда ангел ораторского искусства овладеет им. Он воздел свои тонкие, похожие на проволоку руки и начал дико жестикулировать. Его пальцы дергались, как маленькие щупальца, когда он вопрошал:

— Что есть зло, мальчики? Что есть зло и что есть добро, вам известно-о-о?

Он долбанул по доске кусочком мела, чтобы придать вес словам.

Все на паре, похоже, наслаждались представлением.

— Вы знаете, ребята? Зна-а-аете?

Новичок в первом ряду строчил конспект так быстро, что смахивал на бойскаута, пытающегося разжечь огонь трением двух веточек друг о дружку. Сосредоточенный на том, чтобы записать каждое слово Йоквера, парень высунул язык и чуть ли не задышался. Что он мог писать?

---

¹ Сном и тенью называли человека в своих произведениях разные греческие поэты, но «сон тени» — уникальное сочетание, которое использовал только Пиндар. — *Здесь и далее прим. пер.*

² Перевод М. Л. Гаспарова.

Калеб взглянул на свои пустые страницы.

Вопрос-то хороший, а знает ли он на него ответ?

На другом конце класса сидела Кандида Селеста, улыбаясь той чувственной, так и сочащейся медом ухмылкой, от которой у Калеба до сих пор сводило внутренности; бывало, раз — и застанет врасплох, показав свои идеальные зубки. Она знай себе поправляла черные, цвета ночного неба волосы; ее кардиган в чирлидерском стиле был расстегнут аж до четвертой пуговицы, по старой-доброй моде, устоявшейся еще на первом курсе, и пальчик Селесты с игриво-розовым ноготком так и норовил от ключицы спуститься куда-то пониже, нырнуть прямо между загорелых (*не иначе как во Флориду на Рождество гоняла*) грудей. С внезапной, пугающей ясностью Калеб осознал, что профессор Йок ее заводит; осознание настолько бредовое, что Калеб резь в глазах ощутил. Он прокашлялся, тряхнул головой, глянул на часы. Четверть девятого утра. Еще целый час и двадцать минут терпеть эту утреннюю децимацию.

— Похоже, у вас назначено чрезвычайно важное свидание и мы вас оч-чень задерживаем, так, мистер Прентисс? — спросил Йок, поворачиваясь на полпути к доске и прохаживаясь по кабинету — раз, другой, третий. В роли пастыря-южанина он был небывало хорош — знал, как себя подать так, будто он персонаж из книг Фланнери О'Коннор или Карсон Маккаллерс.

Встав перед столом Калеба, Йок наклонился, чтобы осмотреть нерадивого студента с безрадостной улыбкой.

Калеб перевел взгляд влево, и они с профессором устали друг на друга на такой близкой дистанции, что их подбородки почти соприкоснулись. Профессорский галстук в горошек висел криво, аккуратно подстриженная борода торчала под странным углом, а длинные волосы, стянутые в хвост, доходили Йоку почти до середины спины. Меловая пудра окутывала его аурой. Профессор яростно тряс своими тощими руками, и по всему телу от них расходилась столь сильная дрожь, что очки съехали с носа и полетели на пол. Но Йок оказался не лыком шит — их он успел поймать до того, как наземь грохнулись, изящным таким факирским движением, будто нож подкинутый ловил. Калеб невольно впечатлился.

— Что ж, не имеем права вас задерживать, мистер Прентисс. Ха-ха. Ха-ха-ха! — Йоквер подул на линзы, вытер их о лацканы. Вычурный узор на легком пиджаке профессора на мгновение загнипотизировал Калеба, попытался затянуть в свои кольца. Нырнешь так — и все: глубже, глубже, глубже, никогда не вынырнешь на поверхность. — Ну, и где же вы были? Какое чудное виденье похитило ваш милый ум?.. Хм-м?..

Головная боль ненадолго разжала клешни, а затем набросилась вновь. Алые лучи первого утреннего солнца, ярче улыбки Кандиды Селесты, стрелами вылетали сквозь щели жалюзи и разили прямо в лицо. Калёб моргнул и отвернулся от света. Все повернулись на своих местах и теперь пялились на него. Ну, бывает иногда. А на что, собственно, смотреть? Будто кто-то и впрямь собирался встать, наставить палец и крикнуть: «J'accuse!»³

В такой обстановке, как эта классная комната, было легко обзавестись целой кучей комплексов, и Калёб чувствовал, что к тому делу и движется. Новичок в первом ряду наконец-то унял свое пламенное борзописчество, повернулся на стуле и тоже уставился на Калёба.

Кандида Селеста усмехнулась, когда Йок повторил свое «хм-м-м», и то же самое сделал парень футбольной комплекции в рубашке без воротника, сидевший наискосок и изо всех сил пытавшийся дотянуться до ног девушки своими ногами. Он так расстарался, что Калёб услышал, как лодыжки парня громко хрустнули. Еще двое парней сочли нужным подхватить это «хм-м-м», вторя тону Йока и подстраиваясь под него. Вилли и Роза добавили еще более растянутое «хм-ммм» от себя; Вилли маятником качался на своем месте, немного походя на Стиви Уандера. Они продолжали в том же духе до тех пор, пока не настроились на тональность фа-бемоль, и Калёб почти нашел в себе силы выдавить улыбочку. А вот девушка, сидевшая прямо перед Кандидой Селестой, встретила с ним взглядом и вдруг улыбнулась по-настоящему, всерьез. Правда, лишь на пару секунд — а потом еще и подмигнула, напугав этим до чертиков.

— Ну так что, мистер Прентисс? Где вы там?

— Здесь. С вами. Сижу вот... — ответил Калёб.

— Честно-честно?

— Чесслово.

— Не похоже на то.

— Ладно, ваша взяла. Меня тут вообще нет.

Возможно, так и было на самом деле. Иногда точно казалось. В любом случае, Йоку явно понравилась эта смешная пикировка — было над чем подумать. А Калёб если чего и хотел сейчас, то только встать и дать деру.

³ «Я обвиняю!» (фр.). Именно так была озаглавлена статья французского писателя и публициста Эмиля Золя, напечатанная в ежедневной газете «Аврора» 13 января 1898 года. Статья была написана в форме открытого письма, адресованного президенту Французской республики Феликсу Форю, и обвиняла правительство в антисемитизме и противозаконном заключении в тюрьму французского офицера и политического деятеля Альфреда Дрейфуса.

Паранойя этим утром зашкаливала, кровяное давление — все сто шестьдесят на девяносто, и это в двадцать два-то года. В мыслях все перепуталось, на уши давил какой-то призрачный кошачий вой. Подошвы ботинок, казалось, чересчур легко скользили, будто кафельный пол только что натерли воском и любая попытка вскочить и сорваться с места неминуемо бы закончилась разбитой головой. Йоквер чуял любую нервозность, с особо нервничающими студентами он прямо-таки обожал играть в кошки-мышки.

— Нет меня, — повторил Калев и попытался пустить все на самотек, зная, а отчасти даже и надеясь, что так просто не отделается.

— Хм-хм-хм! Хм-хм-хм! — гудели на пару Вилли и Роза, шкодливо переглядываясь; они понятия не имели, как воздействуют сейчас на Калеба.

— А? — полуспросила Кандида, сверкнув резами, такими белыми и красивыми.

Йок разинул рот. Его глаза наполнились гордостью, но была в них и какая-то печаль вкупе с огромной благодарностью за внимание. Калев знал, что Йокверу нравилось к нему придираться, потому что это сближало остальную группу. Может, они выяснят, что есть добро, а что — зло, прямо здесь и сейчас.

Калев сглотнул, надеясь на полный рот слюны, но в горло будто песок набился.

— Извините, профессор, — сказал он, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал искренне. Неужели на этом все кончится? Сможет ли он сорваться с крючка? Попытка неплохая, да шансы маловаты.

Ну да, Йоквер никуда не делся.

Подобно деревянной марионетке на нитках, профессор выписал спотыкливый круг у своего кресла, подбоченившись. Не стоило обманываться — старик был способен двигать телом с грацией танцора, шагать пружинисто, по-спортсменски.

— Я вас не расслышал, мистер Прентисс. Вы извиняетесь? — Вот он перестал растягивать слова, без южного акцента звуча и вполонину не так приятно. — И за что же?

«*За многое,* — подумал Калев, устремив взгляд на крапчатый галстук Йока. Среди крапинок он заметил нечто выбивающееся — пятнышко — и невольно фыркнул: *Что это у него там, чесночный соус?*»

Подняв глаза, Калев понял, что Йоквер и в самом деле ждет ответа. Смысл? Зачем продолжать давить на того, кого и так уже приперли к стенке? Театральщины ради? Чтобы произвести еще больше впечатления на

Кандиду? Скорее нет, чем да. Такие причины — слишком самоочевидные, чересчур человеческие.

Калев уже твердо решил, что прогуляет следующую пару по современной поэзии. Ему просто хотелось съесть яичницу с беконом в столовке, вернуться к себе в комнату и поспать еще несколько часов. Вечером, может быть, закинуться пивком. Постирать вещи и порыться на «иБэй», дочитать книжку, позаимствованную у Вилли...

Да, он дожидается ночи, прежде чем осмелится украдкой проскользнуть в подвал университетской библиотеки и заняться *настоящей* работой.

Прочистив горло, Калев попытался улыбнуться, но не смог заставить губы двигаться правильно.

— Извините, что отвлекся в середине вашей лекции. В тот конкретный момент я не думал ни о чем особенном, профессор Йоквер, сэр. — На этом стоило закончить, боже. Но иногда Калев просто не мог остановиться. В нем закипало желание огрызнуться в ответ, росла острая необходимость хоть немного сорваться с поводка. Калев не мог сказать, дышит ли еще, и очень надеялся, что не начал задыхаться. — Ну, разве что с нежностью вспоминал, насколько удобна и безопасна материнская утроба...

Йок поднял свои бледные руки над головой, растопырив костлявые пальцы.

— Молодой человек, я вас понял. Не извиняйтесь.

— Не буду. — Калев кивнул.

— В смысле?

— Я не извиняюсь.

Он услышал, как Джоди, сидящая за партой аккуратно позади, издала один из тех раздраженных вздохов, значащих что-то типа «о-пожалуйста-Калев-не-навлекай-на-нас-еще-большие-несчастья». Эти вздохи были отточены до совершенства. Джоди лучше, чем кто-либо другой, знала, как он боялся этого курса, но все равно считала, что Калев справится, возлагала на него слишком много надежд, и он не понимал, с чего вдруг. Джо была причиной, по которой Калев записался на курс Йоквера по философии в первую очередь. При обычных обстоятельствах одного факта начала занятий в восемь утра было достаточно, чтобы отпугнуть Калеба от курса, но в последнее время они с Джоди проводили так мало времени вместе, что парень решил записаться в любом случае. А еще время было удобным, чтобы ночевать у Джоди в комнате, — пусть совместные ночевки и не всегда проходили так, как он надеялся.

Дружеский огонек, заплывавший в глазах Йоквера на прошлой неделе, когда Калев бросил заявление об уходе на профессорский стол, показал, сколь большое удовольствие доставил студент преподавателю, обличив свою неприязнь к нему и к его предмету. Температура воздуха между ними будто резко упала в тот момент — Калебу почти казалось, что он видит клубы пара у себя изо рта. Молча скомкав листок, профессор Йоквер швырнул его в корзину для мусора и вернулся к вычеркиванию больших фрагментов из «Сумерек богов» Ницше.

Десять дней назад Йоквер читал лекцию о том, что такой вещи, как движение, не существует. В качестве примера он привел стрелу, сказав, что в каждый промежуток времени она остается неподвижной, затвердевая в пространстве, занимаемом в данный конкретный момент. Чем-то подобным, наверное, можно было удивить детей, прогуливавших уроки физики в школе. Йок подкрепил тираду еще одним убийственным примером, кружась перед классом с воплями: «Я неподвижен!» — если пересказывать, вроде и забавно, а на деле смотрелось очень тупо и даже как-то *уродливо*.

Позже Калев настучал декану, обладателю докторских степеней по физике, химии и (подумать только) теологии, о выходах Йока. Парень молил, чтобы декан закрыл глаза на правила принятия заявлений от учащихся и освободил его от этой пытки. Но декан лишь бросил на Калеба долгий взгляд, говорящий: «*Даже не пытайся свалить ответственность за собственные промахи на меня, взрослого занятого человека*». Ни словом не обмолвился — такому и взгляда хватало.

Но ведь и у Йока есть хорошие стороны, в конце концов.

Вот сейчас он улыбается, забавно шевелит бровями, разыгрывает очередное шоу.

— Вы, значит, не извиняетесь? Ну, другого от вас и не ждал, молодой человек... но скажите мне, почему тогда...

«*У любого есть свой предел, о'кей? Так что хватит...*»

— Значит, говорите...

«*...рвать меня на лоскутья...*»

— ...что вы не извиняетесь...

«*...старый ты стремный черт!*»

— ...Кальвин?

Да, вот до чего дошло. Этот издевательский, насквозь водевильный акцент, с которым Йоквер назвал его *Кальвином* — с абсолютно хулиганской интонацией, с такой зовет тебя полным именем школьный задира, держа коробку с завтраком над головой, чтобы зарядить под дых, когда пытаешься

дотянуться. Акцент чуть не стал последней каплей. *Калев* — так его звали, никакой не *Кальвин*, так что дешёвая подколка улетела в молоко... но дело даже не в этом. Неужели ситуация *настолько* вышла из-под контроля? Неужто Йок взялся всерьёз крутить Калебу нервы или это у него шарики за ролики помаленьку закатываются?

— Я подумал, так... — Калев чувствовал, как сбивается его дыхание, — так... будет вежливо... намекнуть вам, чтобы вы от меня *отвязались*.

Он закрыл пустую тетрадь. Так, ну что там у нас по плану — «неуд»? Все что угодно, лишь бы убраться отсюда к чертовой матери.

Сняв очки театральным жестом, как Кларк Кент в момент невзгоды — река выходит из берегов, школьный автобус без тормозов скользит по горной дороге, словно вот-вот сорвет рубашку и обнажит синеву лайкры с алой литерой S, — Йоквер помассировал переносицу и лихорадочно почесал морщинку между глазами. Конский хвост перекинулся сперва через левое плечо, а затем — через правое, когда профессор покачал головой и громко закудахтал.

— Видимо, вы считаете, что уже знаете все ответы, и поэтому не желаете вникать в истинную суть моего курса. Итак, Кальвин, почему бы вам не рассказать мне и всей группе, что на самом деле творится у вас в голове?

Калев улыбнулся, и брови Йока слегка опустились. Улыбаться было куда приятнее. Что-то жидкое и кипящее внутри вдруг затвердело. Он больше не чувствовал биения пульса на запястьях, но голова все еще немного болела. Откинув волосы со лба, Калев сказал:

— Если бы я хотел посмотреть на клоуна — пошел бы в цирк.

— Вот как?..

— Да, каких-то там десять долларов — и мне покажут потешного карлика, умеющего жонглировать велосипедными шинами, и даже предложат в подарок маленькую лазерную указку, чтобы пируэты чертить в темноте. Ну и еще — пудели танцующие, знаете же... все веселее, чем ваши попытки объяснить скорость.

Джоди, подавив смешок, прошептала:

— О, Калев...

Кто-то из парней откликнулся неопределенным мычанием — звук такой, будто церковный хор вышел на разогрев. Господи, как школьники из младших классов — неужели этим людям до сих пор доставляет удовольствие зрелище чьей-то публичной выволочки? «Ну-ка в угол, негодный вы мальчишка!» — неужто всем *настолько* скучно, что даже *такое* в кайф?

Ну да, само собой. Всегда так было, всегда так будет.

— Я думаю, что социально приемлемый термин в наше время — это «маленькие люди», а не «карлики», Кaleb.

— Я уже три недели посещаю ваши занятия, и вы до сих пор ни на секунду не сменили свое амплуа уличного факира, чтобы обсудить что-нибудь действительно важное. Какие-нибудь этические, моральные или социальные дилеммы, а также такие сложные вопросы, как загробная жизнь, расизм, цензура, порнография, аборты или... — Он подыскивал что-то подходящее, и все сошлось в одной длинной вспышке образов, о которых в отдельности почти никогда не думал. — ...проституция, джихадизм, инцест, Руби-Ридж⁴, гедонизм, войны или те умники, что хотят устроить для больных СПИДом концлагерь в пустыне. — Кaleb слотнул слюну, собравшуюся во рту, — гуще сиропа. — Новые законы о социальном обеспечении... теракт в Оклахоме... и са... *самоубийства*.

— М-хм.

На ум пришли и другие словечки, но тирада уже подошла к концу, и снова перед глазами замаячил образ сестры, протягивающей к нему окровавленные руки.

— Вы громите Ницше, оскорбляете Камю, принижаете Сартра и...

Йок на мгновение вытянул губы в дудочку, дав Калебу прекрасную под-сказку.

— ...и плюетесь в Бертрана Рассела и Сократа. — Кaleb знал, что до последнего, самого болезненного удара не хватает лишь малости. *Да! Давай! Аккурат по мягенькому!* — И еще вы совершенно точно пялились на грудь моей девушки.

Джоди застонала, будто ее пырнули ножом, а Йоквер перевел взгляд точнехонько на ее грудь, и его улыбка расширилась до совсем уж некрасивых пределов: уголки губ почти доползли до мочек ушей. Кaleb задумался, сможет ли когда-нибудь выкинуть эту сцену из головы.

Парень футбольной комплекции в рубашке без воротника спросил у Кандиды:

— Джихадизм — это кто?

---

⁴ Руби-Ридж (англ. Ruby Ridge) — местность, расположенная в северном Айдахо. В 1992 году стала местом одиннадцатидневной осады, начавшейся 21 августа, когда представители властей США инициировали действия по задержанию и аресту некоего Рэнди Уивера на основании судебного ордера после его неявки по обвинению в сбыте и хранении огнестрельного оружия. Уивер отказался сдаться, и члены его семьи, а также друг семьи Кевин Харрис, также оказали сопротивление федеральным маршалам, в результате чего погибли жена Уивера Вики и его четырнадцатилетний сын Сэмми.

Она пожала плечами и бросила на Калеба напряженный взгляд, в котором сквозило нечто ободряющее, безумное и донельзя чувственное. Профессор Йоквер хихикнул, изображая панику, дергая себя за волосы с открытым ртом, затем жестом попросил поддать еще жару: «*Так держать, Кальвин*». Его лицо стало чересчур красным, а где-то в мутных глазах мерцало дьявольское зарево.

— Но, помимо всего этого, ты не позволил мне уйти с курса по собственному желанию, сукин ты сын, и я больше не собираюсь тратить ни секунды своей жизни в этом аду.

— Значит, — спросил Йок, — где-то вас ожидает ад получше?

— Возможно, — ответил Кaleb. — А еще у тебя какая-то дрисня на галстуке. Я уйду отсюда, короче. Всем хорошо провести время.

Он схватил пальто, выбежал за дверь и спустился на два лестничных пролета, и только потом красная пелена чуть спала с глаз, а следом пришло осознание серьезности совершенного поступка. Возможно, Джоди придется за него отдуваться. Если дисциплинарное взыскание наложит запрет на посещение занятий, Кaleb не сумеет закончить последнюю часть своей работы — просто не будет возможности.

Уголки рта, казалось, вот-вот треснут от напряженного рыка, удерживаемого где-то в гортани. В холле, обливаясь с ног до головы испариной, Кaleb смотрел на лица других профессоров, которые проводили занятия с открытыми дверями — и чьи голоса, переполняющие коридоры, будто бы даже имели смысл. Акустика на кафедре была отменная, каждое слово эхом отдавалось в груди. Кaleb немного успокоился и вышел на улицу, где его обдало утренней прохладой — от февральского ветерка по коже пошли мурашки. Пришлось сделать лицо попроще — потребовалось осязаемое усилие, чтобы сдержать волну злости и разочарования, ведь Джоди не вышла следом.

Часы на башенке пробили половину девятого.

Значит, сегодня Кaleb был живым всего лишь сорок пять минут.

Чертова этика.

Боженька праведный, этика точно доведет его до ручки.

2

На ум пришла фраза из учебника по психологии о китайских пытках водой: «*Сердце жертвы, сидящей в удобном кресле, разрывалось, предвосхищая падение очередной капельки*».

Звучало не слишком научно, если подумать, но факт оставался фактом.